

П О Э З И Я

Аркадий Драгомощенко

Из книги "НЕБО СООТВЕТСТВИЙ"

Полностью "Книга соответствий" выйдет в "МАТИНОМ ЖУРНАЛЕ"

"На самом деле предметы -- это слабое зеркальное изображение времени. Предметов нет / . . . /. Пусть бегают мышь по камню. Считай только каждый ее шаг. Забудь только слово "каждый", забудь только слово "шаг". Тогда каждый твой шаг покажется новым движением. Потом, так как у тебя справедливо исчезло восприятие ряда движений как чего-то целого, что ты ошибочно называл шагом (ты путал движение с пространством) движение начнет дробиться, оно придет к нулю. Начнется мерцанье. Мышь начнет мерцать. Оглянись: мир мерцает.

"Как мышь", Серая террадь

Александр Введенский.

Во многом напоминая небезызвестную операцию редукции, направляющую сознание в область мотивов, импульсов, предвосхищений, ожиданий, намерений, к точке тончайшего равновесия, не нарушенного "значением" (локутивность -- иллюкутивность...), это суждение между тем возможно беструдно соотнести с высказываниями об отождествлении материи с энергией, волновым распределением в пространстве-времени; словом, с пониманием материи как совокупности взаимодействий, где любое "локальное воздействие сотрясает вселенную" (см. Уатхеда или Жуанцзы) и т.д. -- и здесь мы прощаемся с неизбежной возможностью разговоров о "языке" -- ибо, приведенный выше параграф ни в коей мере не притязает на ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ, на роль некой программы, установки, являясь всего-навсего только тембром, абберацией первых предложений Сентиментальной элегии, а с другой стороны -- обыкновенным пояснением, избранной несколько позднее ее же текстом предшествующей строки.

А.Д. 8 декабря 85г.

I.

Точка

зрения — деленье окружности, мгновенные дуги прямых,
завязь,
делимость, способность остатка и умножения —

Каждая
плоть своей одевает предмет,

Окружая стекает,
Заключает в схему прохладную тени вязью. Узнавание
затем,

Влажного центр тяготенья в сеченьи
пейзажа /когда на ущербе/ —

когда смещаясь началом.

Ось

в блужданьи цепка.

Неподвижны, отточены чаши края. Избирается лето
не нами

в чашетворении вихрей.

Как заклинанье тверди
бесстрашно в этих краях, лишая смысла любое значение,
чтобы найти:

улица — веер,
дым — светоносен,

стороны света в продлении соответствий небесных.

Над раскаленным асфальтом рябит радужный фильтр,
Звук — это лот вне возвращения, опущенный в марево.

Но

на излете ссадиной запустения
входит под веко белоснежная точка,
зерну открываясь подобно, как эхо...

Улицы. (Мембрана яви.)

Проступают пунктиром, братствами пятен по извести,
геометрическими садами,

где голоса

уходящих

спиральны и явственны, как и не бывших —

все наши.

Прикосновение к коже согласных, роса гласных на горле...
Помнишь /третья страница из Redo/, обочина, фотография,
проезжаешь в машине,

Ливень над городом,
не слагаясь в черту, огибают твоё возвращение в страну
или в текст,
Или в тело мельчайших смещений в переплетеньи со звуком;
вот он: теперь не дождей, а песков торжество /тождество/,
но дано:

чтобы проступая под утро сквозь простыни и сквозь
окна,
Преступить мы смогли невнятность того, из чего состоим.
Возвращение звука? —
Неподвижен и светносен как дым.

Совершенство вырастает
цитатой ← за скобки → если догадки верны, словно
мгновенные дуги прямых,
Готовы сзади метнуться, впиться
вспышкой остатка. Статика — лось.

Небом загнан.
Падает горизонтально слева направо
за холм произвольный приблизительным богом, летящим
в радугах бега.
Рту осознать собственную случайность,
как мыши. До кости,
До чаши — дно — ниши, где равновесие тела ночного,...

замедлены мы до брожения речи,
Медленны,
словно преддверье,
как звук, что в изображенье опущен,

сожжен

и по лицам

прядами влаги развеян.

2.

... что связует нас в некий смысл? Весной много солнца и рыбьего сухого серебра, шелшащегося над асфальтом вдоль линии, условно пронизывающей лоб между двумя глазами. То же равновесие. Никто не верит, что мне 80 лет и что у меня никогда не было ни отца, ни матери... Отчасти так оно и есть. Мы говорим потому, что нас слышат. Пишется не так, как слышится, произносится. Что мы слышим? Исследование остатка, несовпадений. Ветер захлопывает окно и с некоторым запозданием вздрагиваешь. Поздно. Без остатка уместаться в любую историю и при этом вкус пыли острее, смиряющий жажду. Желтый цвет — предельный. Надавливая пальцем на спящее под веком яблоко /береги как зеницу ока.../ понуждаешь расцветать космос убого. Неожиданно фильм о Марлен Дитрих, кто не спрятался — я не виноват — внезапное узнавание развалин и света в коричневых рамах безлюдья. Но что известно тебе о ветре, каковы твои отношения с ним? Что ты знаешь о его ледяных коридорах, где множится отзвук и плеск капли, плененной лет двадцать с лишним назад, делится на тысячи тысяч осколков? Весной все умирает. Одно только мгновение пространства лишает смысла представления о прошлом... Слои за слоем. Игра, чрево, матрешка, Мария, архипелаги материи, марево плазмы и так далее.

но как в теле любого
живет глухонемой ребенок —
каплевиден —
и зло верит в Бога
— бирюзы провалы... —

март ежегодно
разворачивает наст сознания,
перестраивая облака
в иное,
в опять иное письмо,
вновь невнятно,

меня больше там, где я
о себе забываю.
Нагие, как законы грамматики...

голову запрокинув.

3.

К тебе случайность нежна.

Всенастигающей тенью растянута.

и
на площади лай. 5:30. Тлеют сети окраин.

крыши. Крики полые чаек.

Тканью

на месте летящей, не обугленной воздухом --
только слепые, усердные в проведении линий,
за разум свой не страшась, блеск ее могут
"принять",
строители сферы... --

Но избрано лето.

Кривые лезвия чаек.

На восходе касаюсь тебя как забывая иное.

Утро

какой пустоты опять нас оденет с тобою?

Изгиб побережья -- линза в сторону мелководья,

где остров и
соль коричневых солнц, раковин, океанической почвы.

Вымолвить на исходе: последнее, что от элегий осталось --
смех в полдень.

Губам -- устье виска.

Ответить: случайность. Хотя я не слышал, не помню...

Геометрия нашей ходьбы как хрусталик легко сплетена.

Васильевский остров

в прорезях книг двуязычных,

Искрами стаи по коже ускользает от нити янтарь.

Может быть, еще воздух... Да, связующий хвою и плиты.

Ни неба по склонам залива,

Ни вод гемисферы --

качнешься назад.

Только смех в полдень

за кипящей пеной пернатых,

И дым светносен,

И нетерпение,

... желтизна.

еще не запоминая, вглядываясь, разрывая окружность ежесекундно всплывающей вещи. О привязанности к противительному союзу "но". О его движении вспять — зоркий червь в плывущих почвах предложения. когда "но", что-то в мановение ока теряет свою незыблемость и вот уже ветхость сочится из каждой поры сказанного.

но мне никак не удастся о рабочем в резиновых сапогах до паха в капитанской фуражке — сгребал невнятный, мирный хлам с хромированной поверхности бассейна у гостиницы 20 июня. Но — наваждение — он движется во всевозможных направлениях, подобно случайному описанию этикетки кьянти: вначале холм. И так всегда. От холма к холму. За холмами, не запоминая — лишь вглядываясь — мясистые тростники лучей, диалог, виноградная гроздь в муравьиной петле столетий, и холм, по склонам которого располагаются не то кипарисы, не то виселицы. И различные инструментарий меланхолии, как-то: гексаэдр, магический квадрат чисел, бритва Оккама, кремниевая пустыня ручья, что по сути и есть союз "но" и другая стена,

когда хлопала по ветру вишневая выгорающая занавеска и Джеки, сквозь безъязыкую прорезь тьмы поочередно исследуя телепричины и следствия /несовпадения/ сонно танцевала от стены к стене. Было что-то о Хлебникове. Обитель бессмертных — развалины. Но запропастилась страница, где было, скорей всего, что-то о попытке совмещения двух прорезей, чтобы заставить лошадку бежать по кругу — множество изображений во вращении сливаются в одно. Движение...

А толстуха! Неужто она, вконец озадаченная нашими неуловимыми перемещениями, не заслуживает того, чтобы упомянуть о ней? Опора достоверности.

Открытка из Суздаля. Основными "опорами цельности текста романа" Элика Богданова являются сообщения о землетрясениях, которые протагонист методично собирает долгие годы. Установление просодии земли... Открытка из Суздаля. Засточки в пурпуре сводов. Следует перечисление вопросов, казущихся ныне нелепыми и неуместными. Впитывая не помнить, ибо знать.

случайности нежны к тебе как погода.

Б.

По утрам наблюдается склонность "это — есть то"
заменить незатейливым "то и это" без "есть", затем
исключая "и"...

— о, не составляет труда четыре часа
кряду говорить на что похож этот знак и что оживает
в нем,

вытягиваясь.

Собираются. Собранны, останавливаются в.

Византия,
Пробуждение при. Отсчет начинается со смутного разделения
единицы,

Осуществление в форме будущего узкого времени
неопределенной формы (в пределах императива). Мошь
в щелочах шипящих,

в кипении пернатых, тяжком как полнолуние

сердцевины яблока, —

свободы непроницаемая поверхность. Ушли как застыли.

Смигая метели в одном единственном, упрощенном настолько,
что... радость. Хлеб, допустим. Да. Либо вода,
спрессованная горизонтом в

скудость,

стакан,

подоконник.

Как "и" дух мой спокоен.

Некоторые же, разбив поверхность, миновав маслянистую
гладь,

в крови опускаются снегом, — листовные, говорю я, узоры!

Вот о чем я. И меня понимают. Еще бы! Сразу же следует
классификация, уточняющие дополнения. Да, одни узнаешь,
будто так было всегда, не иначе —

называю это случайностью
или прекращеньем изгнания,

Страной пятого звука,

Возвращением кратким льва в золото.

Можно назвать тем, что не нуждается в возникновении.

Тогда — что будущее?

А другие точны, даже безукоризненны
в том, что ничего не содержит,

И я говорю — в том, что располагается среди листьев,

И очертанья их обоюдные верны "языку" как тяготению

оперенье,
подобно тому как безошибочно сочленены трубчатые кости
крыла —

"папорток", так говорили раньше об "узле" замаха, птичьего
локтя,

заведенного над страной пятого этажа,

неуследимого слияния льва с золотом —

при условии, что листовному узору удастся образовать

поле внимания.

Оттиск.

Итак, где затаился охотник?

Как расцветает папоротник?

и приближение, сужение кругов, и карта полушарий в известковых наплывах карста рвется навстречу. Потом избирается площадь, солнце между домами, стиснутое несколькими прилавочными, и по диагонали — магазин. Прилавок. За ним в ленивом оползании вечерней духоты нечто мелочное, ничтожное, случайное сродни тайнам жизни... и теплая тоска яблочного сока.

Сердца светлых птиц пожираемы пространством.

У прилавка городской сумасшедший Эфим Спивак. Медная борода его напоминает мандельштамовские строки о курчавых сражениях винограда.

и пыльные провинциальные закаты. Ростом низок, возраст его недоступен. У него длинные, изысканные в испарине пальцы. И горб.

Эфим Спивак, бессонный сумасшедший городских рынков, властелин тележки на высочайших паутинных железных колесах, шевелящий неустанно губами, — стоит и шевелит губами. И тут женщина за прилавком не выдерживает: "За ради Бога, Эфим! Чего ты уставился? Что тебе надо? — И дальше. — Ты же умный... — Снисходительный кивок головой. — А молчишь как та банка с огурцами! Ну что ты хочешь купить? — Не унимается женщина. — Чего тебе дать?"

"Да. — Кивает головой Эфим Спивак. — Надо. Купить..."

Ходят слухи, что нет ему равных в постели. Кто знает — тот знает. Но хотел бы я знать, где они, те постели...

"А! — спрашивает женщина из-за прилавка, застыя от солнца. — Что?"

Он разжимает кулак. На ладони четыре копейки.

"Дать тебе пирожок? — спрашивается женщина. "Нет. — произносит он. — Нельзя. Пирожок мужского рода, а копейка женского. Пирожок... один. А копеек — четыре."

+++

И спустя двадцать один год, окруженный спятившими, покосившимися картинами, я пишу, оказавшись в том же городе ночью: "и надо было пройти годам, чтобы в этой grimase разобрать, углядеть осколки анаграммы иного имени, угадать его в начертании букв, привычным, но не менее от того таинственным образом связывавших безумного грамматика, повелителя тележки на паутинных колесах с другими людьми, — имя шердинанда Соссюра.

Впрочем, слишком крохотные осколки, слишком невнятные следы... Но кто осмелится требовать большего от надменного идиота с аттической бородой, блуждающего в неутолимой жажде у стен числа, рода, падежа!" -- Так писал я и равнодушие к себе и ко всей этой истории, равно как и ко многим ей подобным, коснулось меня, пресекая любые возможности размышлений о гибели дома, без промедления напоминая мне букеты бумажных цветов, позволяя думать об утреннем неистовом стенании голубей, свивающих в предрассветном мареве дивный звук У в низкое клекотанье.

Я приближался к утру, а рядом у локтя лежало письмо из Чертадьо, за затылком дымились холодом тени Макиавелли, Медичи, Джиrolамо Савонаролы; ядовитыми синими цветами плавали над вокзалами насморочные голоса диспетчеров, и бабочки, обманутые слепящей пустыней страницы, бились в молочный абажур лампы, круглые и седые как голова Набокова. На самом деле речь давно шла о рыбах. О неуловимой их связи со звездами и о различных уловках, благодаря которым иной раз удается проникнуть сквозь бесполой блеск листа.

усики гороха
на закате как не отрывая руки
как бешеное письмо травы

август тесен небу
стрижи
плотен шорох рыжего вихря
по крылу

излом волной
властвует
траектория грицающая
инерцию
глоток — логика в цепи
сокращений
не жажда...
птица — ни что
иное

да не поразит нас здесь
голубь
о боги

телефонный звонок
росой скатывается индеев
волна замедляет движение
как глоток

у глаз
воздух
вспорот
расстояние поперано

темнокудрая смерть
цветов
наделяет наблюдающего
прозрачной мыслью
От гостя слышу
попынь пикма напоминают зиму
когда звонок в дверь
и просыпаешься
и спросонок
отворяешь с глуповатой
ухмылкой

Гость рад молчанью
вину
беседе снег осыпается наземь
Курит
За эти годы
еще раз стрижи коснулись
воздуха
умалаясь
татуировано тело
анатомическими комментариями
на скатерти крошки

etc

9.

"Здесь"
"Я" "Сейчас" "Ты"

"Там"

"Тогда" --

вероятный процесс
извлечения "себя" из языка,
/извлекаемого из "себя"/

(Уроки Ю.С.Степанова)

Странствующая ось,
Плавающие углы.

Речь пробивает в бессмертии
первую брешь. Что кроется
за словами, которыми
по телефону обмениваются
мужчина и женщина?

... и до них.

Дыхание.

Речь, хранящая в себе "ничто"
смеется над временем. Пестует
первую тень
знания.

Истекающий потом таджик,
поет обо всем, чего касается
взгляд.
Равномерность познания.

Таково задание -- постепенно
сойти на нет, как слюна
похмелья,
ногтями скребущая по линзам
жара.

И "нет" оборвать
последующим "но" --
Частиц волнообразное колебание.

Насекомое на стене,
В воронку зрачка звезда всверливает
понимание расстояние.
Разум, умеющий много гитик
никак не заучит слова послушания.

Стрижка овец.

В полнолуние уходят концы строки,
Наст мозга татуирован опытом
поколений.
Санный путь бледет ледяной колеёй,
Скарабей небес скуп на объяснения
построения сада.
Насекомое как стрела,
стоящая неподвижно на месте,
Мгновенно как любой цикл.

Дан век саранчи.
А после в умилении слезном
питается акридами
святость — взаимодействие
желез с горлом,
монотонная логика сокращений.
Взаимодействия горла со зреньем,
С древесиной железа.

Мифология

словно листва
шумящая у постели. Любовь
избирает иногда / всегда
странные страницы из словаря
снов.
Поля семантической гравитации...

Из отрицания, следующего за собой
— наподобие нас — под стопу
ступенью скользя, продолжается
лестница.
Ирония — сок, питающий насекомых.

Ударная стопа
сменяется усеченной. Размер тела
совпадает едва (никогда)
с просодией мысли
о тлении.

Вестник осени,
голову к плечу наклоня,
совмещаясь с дверным проемом,
протирает полкой очки.
Белые пиджаки
навсегда становятся одеянием
вестников осени.

Вначале поп обожает пса,
Затем его убивает за
кусоч мяса,
взятое у коровы взаймы
на пропитание "метацитаты".
"И так далее..." — замкнутая
структура.

Решето поет в руках
гадающих по песку. Невесомая вязь
растянута над полями.

Я говорю и пишу
только лишь потому, что давно
в состоянии
не делать ни того, ни другого.

Он хочет заставить
уверовать в то, что он знает
как меня заставить уверовать.
Агония — самый дешевый источник
энергии, —
ни одного дефекта в микроструктуре...

Это предлог. Или порог
Или космос консервной банки. Любой
фазан знает, где спрятан охотник.
Общество в состоянии перманентной
мольбы — враг не должен исчезнуть.
Он обязан быть.

И всегда.
Если есть враг, следовательно
существую и я.

Спектр.
Жизнь Картезия предельно проста
в усвоении.
Время делится на графы
поражения цели.

Мне не понятен тот,
Кто говорит о достоверности понимания.
Искренности — нет,
Ее нет, равно как нет и дьявола.

Свечение швов. Се — человек.
Поливалентность.

Рог Амалфеи...
Аюм, я не знаю где рубаха, а где
штаны. Семя, испепеляющее летнее
лоно Данаи.

Каждый охотник знает, что логос
в предлоге зарыт,
как в яйце скрыта игла,
в скарабее песок и небо...

Птенец ворона встал на крыло!
Как родник, чист его коготь.

Снег Китая.

Солнце испаряется в синеве,
сознание -- в пылинке парящей.
Смерть в себе.

Вне

ожидания -- недвижно,
словно великолепный удар листвы,
желание, явь ткущее в трепете.

Череп -- улей свободы. Сквозит.

Поющее решето.

Поэзия-прежде всего
разрушение рефлекса на боль.
Только потом речь идет
о бесконечных поражениях опыта.

Судорога зрачка

при виде стада свиней используется
как дополнительная сила
не для того, чтобы отшатнуться

назад,

но, чтобы приблизиться.

Бегство

навыворот.

"Мысль перед прекрасным и безобразным
как море."

Говорю и пишу
одними глазами.

Ничем не отлична языка система,

избранного ненавистью

к мертвому от рождения.

Опускает влажное веко Ад.

Да -- самое несложное отрицание,
союз... скорее пролог. Частица огня,
нечто незначимое, но созданное

значеньем наощуль,

настигающим объяснение в нас.

Птенец ворона встал солнцем

над городом.

Любовь разрывает речь как трава

спекшиеся покровы прошлогодних

листьев.

Мы бродили по рынку. Стояла жара.

Божественная волна

предвосхищений в речи --

прозрачна --

Обращает время

в блистающее "нет" иглы...

Спустя месяц осени вестник,

Головой кивая, протирает

стекла очков.

Жуки жужжат и ветер ветви полощет,

В ожиданьи письма в сентябрь
превращается август.
Снег
сходит утром с лица -- снились
поля ---
в словах -- дыхание.

И говоришь: дай знать мне себя,
во мне,
в тебе,
здесь, там,
всегда...

из...
н е т
возвращения.

Июль, 3 -- 85г.

Чертальдо - Италия.

/.../ отстраняясь страницы, рассматривая двор виллы, стоящей на вершине холма, бывшей некогда домом Медичи, патрона Макиавелли, князя Лорчези Палли и ставшей на короткое время моим, я вслушиваюсь в повествования сотен птиц, снующих между винными подвалами в склонах холма и своими норами тут, над стрельчатым, узким высоким окном, у которого расположилась я, не забывшая обещания писать разборчиво.

Во дворе колодец. Его тусклая вода затянута ряской, поросла тиной, в которой выются пьявки. Под оливами бегают цыплята. И жара.

Но за стенами виллы, сложенными из желтого камня, где сижу я перед широким дубовым столом, радуясь миру тетрадей и записей, прохладно и сумрачно. На рассвете здесь такое великое множество птиц, что их пенье сливается в массу сплошного звучанья. И, лежа в постели, еще в полусне я думала -- воздух стал твердью. В звуке отсутствует длительность, у него нет ни мгновения, ни конца, ни начала. Нет следствия. Он просто установлен как локус, место, и в собственном расточении наполнил его собой, где и пребывает -- неколебимый звук птицы, оседающий во двор.

На протяжении этого часа оцепенения мое тело было эхом поезда, бормочущего сквозь Европу -- Лондон, Париж, Вена, Болонья, Венеция, и другие города, поменьше, где выступали РОБА / двор аббатства, открытые театры, джаз-клубы и т.д. / -- и это движение, таившее себя все время в покое, теперь, когда действительно остановились, вылилось в форму подлинного экстатического восторга, -- таково /одно из многих возможных / понимание птиц в это утро. /.../

Лин Хиджинян

/ отвечаю... /

14.

Из-за
ивы занявшей внезапно
Сотое солнце в глаза метнулось.

На траве

ворон.
Распластан в крови изумрудно...
Нет. Это падает снег.

Не говори при мне так!..
Никто тебе не поверит.
Облаков
по ночам пестрая шкура живая
под ногою меняется. Не говори о траве.

Как
сегодня легки снег и вино,
Однообразен как шум порывших
стеблей
и ветер.

Жизнь в год сотого солнца
ивы
и ночных облаков.

"мать живописи, архитектура, умерла." До этого, если не изменяет память, умер бог, потом умирали многие, в том числе и Поль Валери. И хотел сказать многое -- задание отчетливо артикулировано. Нам остается идти по коридору квартиры, не зная измерения целого -- круг -- еще несколько месяцев тому густо заселенной людьми, -- пустой ныне, как и подобает быть лабиринту, когда смотреть на него сверху. Сворачивать и прямо, дуги прямых... заглядывая в комнату, следующую и так далее, не делая ни в коем случае того, чего просит не делать надпись под двумя оголенными проводами, торчащими из стены в конце -- "руками не соединять". Ибо соединяя руками, можно в итоге не увидеть света, который зажжется сразу же при соединении в одной из комнат, то есть в одной из частей архитектурного пространства, которое давно умерло, оставив жить живопись, разедающую свои основы: картонные ящики из-под яиц, тряпки, провода, известь, ткани, цвет, вещь-вещь, напоминая обледеневшую размеренность шествия шутов, наглухо запечатанную в колоду солнечного протяжения. Мы слушаем свои шаги, заново научаясь настоящему. История без единого приключения. Они отовсюду, как будто были всегда, и ничего не изменится, если сказать, что их -- нет, никогда не было. Однако начало возможно иное. Чаще никаких условий. Не утверждать и не спрашивать, и не соединять руками. Что толку? Сколько раз говорилось! Город. О котором известно, что ни одного холма. Отсюда рельеф другого начала: смотри, вот они, шуты, босые боги дыхания, грязи, струьев цвета, холсты мозга коих еще не пошли на выкройки, по которым успешно шьется жизнь. Вот их время, летящее от одного зеркала к другому. Эра насекомых. Желтое, я буду говорить о тебе долго, наблюдая как ангелы со страстью льда, ускользающего из кулака, впиваются в стены. Свист света. В отличие от многого другого. Каждый предмет, из которого я изымаю его назначение -- повторять -- становится всеми предметами одновременно. Вселенная.. Условия птицы. Язык касается неба.

17.

Не начинается. Всё давно уже свершено в сердцевине
холода, как зерно. К ладони вдруг зеркало утончением
места,

Плечи, волосы, руки, бедра, живот,
Пчелиная тетива позвоночника
ночь превосходят, вдоль которой простерты мы
в полусне.

Еще не произнесено: "всеенастигающий тенью растянута".
Проступая сквозь стены и простыни..

Отделения цвета
от
плоскости зрения.

Нежелание говорить с желанием всего остального.
"Кажется, я любил слова и всегда за их таинственную
способность ускользать от себя во вращении,

за их несбыточность."

наподобие книги,
горизонт чей тлеет извечно и гладь которой
как олово,

повествование о прекрасных войнах вещи и слова.
Подсолнух, немоты прорехи и губы. Рот и крошки
на скатерти

белой.

Не медли.

Кому суждено избежать гибели в незнающем преткновения
"слове", распределяющем по клеткам свободы
и не исчезнуть в молчанье,

подобно значенью,
устремленному в мозг, сквозь "стражу" глаза? Просто

"ничто" в сочетании с благовидным предлогом
не упоминать ничего.

Свист любимой согласной, распутанный пылью. К доске
воцеленной склоняюсь -- и это назвать можно печалью --
различать ветвление цепких примет в пене умных лезвий,

игл заснеженных. Чтение...

Огни ветра перемещаются по пересеченной местности,
С детства постигаешь закон "Родной речи" -- пишется
не так, как слышится,

Татуирован письменами ночи...

Здесь, говорит ей уличный прорицатель, ведя пальцем
по нисходящей к запястью

линии -- язык раздваивается,
размыкается,

Отсюда не возвращаются. Нет иной жизни.

Непонятным останется то, что не нашло никого. Начала
ли смутного оттиск?

Ладонь?

Проплывающий

мост

над рекой,

Изображение, поднесенное к огню изнанкой, на миг
оживает,

Затем испаряется.

То возьмешь, что в кремниевую дыру затягивается
условием пресуществования...

Игл заснеженных чтение.

19.

Ну не все ли равно, о чем говорить? --
Я хотел сказать многое... -- Что называть,
Терять в именах, любовь моя, называя.

сополагая отсутствие с пребыванием?

Тысяча биений неслышны в совпадениях.
Наивно и тихо, как древние описания вечности
или отделение пустоты от пустого
Развивается яблоко,
Исследуя свое прибывание луной и собою. Жук
скребет по стеклу,
кора расступается под клювом скрипа,
Ствол светел подобно исчезновению
до окончательной неизменности
сущего.

Это и есть созерцание. Словно развитие
яблока,

которое можно заменить, чем угодно.
Горяча раковина земли и неба.
Легка, невесома игра со стеблем по-птичьим полым.
"Однажды выходим из дома. Что понуждает
читать украдкой газеты?"
Я знаю поэтов. Мертвы они и умирают в бессмертии,
В кипении кислорода луна и солнце...

Стакан как
полдень,
Подоконник, книга о пятидесятых в Париже...
Дарфор? Росфор? Сартр? Мел? Известь?

Звон
кисловатым солнца,
на зубах зеленый крыжовник,
И
тень, пролитая на колени, снова сравнится пусть
с ветвью и с тем как в бирюзы оцепененье уходит,
дыхание затая.

Но извне -- не торопи меня... с чем еще, когда
день окончен и тяжек луч в изгибе неба
и киноварь неуловима,
и пурпур тончайшего горенья легок -- утварь прозрачная
вечности...

Ласточки в Суздали так, срываясь к лугу,
Дугами после дотлевают в изъясных светоплетениях
севера,

Извне, повторяю, едва успеваю за тяжестью,
Ринулась что со всех сторон к сердцевине. Яблоко
еще будет, покуда начало лето...
Совпадение разности направлений.

Насекомых толпы, слона Арахны,
Мох сух, лист остр.
Но случайность нежна к тебе,
как утро к обоим.

Обратиться случайно и видеть крыло каждого волоса,
Обернуться, поймать каплей зрачка как крыло
рассекает луны костер,
затмевающий дельту,
гордыню города, смальту ветра — такова природа
этого света.

Твоей ладони опорой он,
Не ведающий источника.
И благодарная тяжесть в устье
ветвей припадком дрогнет пред не знающим вершины
падением,
перед плоскостью всплеска,
протравленного нагими брызгами.

Но и эти сроки слишком для меня быстротечны.
Учась другому.
Вообрази воображающего чье-либо
воображение,
где маятником падает яблоко,
как одно из неслышных биений —

назовем это прощанием со внутренней речью,
ожиданием в бритвенных перемещениях.
В каком движении?
Словно
с моста опустили рассеянно.

Лицом к зениту, затылком к зарослям,
Створы раковины горячи и прозрачны.

Наблюдение падающего листа

взятое в качестве

"последнего обоснования" пейзажа.

(чтение)

... хотя и неизвестно,
что к этому побуждает.

Чжуанцзы, "О равенстве
вещей"

I.

Оседают.

Осадок подвижный -- пейзаж. Перемещаем
в опыте времени -- мер
мерцанье в меркнутом исключении примет.
Определения; круги? горек? остр? число?
крадущаяся ли тропа уподоблений (последовательности),
крону связующая с туманом крови
в симметрии корнесловия?

Утопия? .

Точно

лоза

что взбирается в росте -- взаимоперемещение линз --
ощупывающая намерение: расстояние. Капель
отражения друг в друге (гора, большой палец у глаз
правой руки, на котором царапина, шелковица
поодаль, видишь, тоже нашли свое место) -- пейзаж,
расположенный с различных сторон
острия
местности,
данной пространством.

Пока не просохнут капли, простирают
они возможность несовпадения. Но каждая стирает
другой причину, замещая собой.

Словно в узкофокусной оптике, автомобиль слистывает
с лица

мгновения,

обращенного в его сторону. На перекрестке.

И, чтобы легче было, поздней вписывается: "дождь, погода,
на щеке прядь солнца;

описание камня". В целях конкретности

в повествование вводится единым глотком событие, вписывается:
"реальность".

Изменения в пешеходе.

Ткани совмещения одного с другим раздвигает наивная
кость шага.

фотография, на которой всегда только начало
смерти, т.е. сравнения. Второй частью которого ты,
обращенный к первой стремленьем,

по глазам разостланным, курить когда, видеть зрение,
описывая
окружность соположения буквы
со следующей и предыдущей, осуществленной в еще
не возникшей.

Буквально дерево на пригорке. Женщина с красным зонтом,
снег, в мужском плаще, ветер, до земли, и собака:
не то груды раскисшей глины...
Но и кусту разрушенному подстать в отдалении —
Стоящий вне как эхо.

Длиться мне столько, сколько длится
само описание, превращающее дерево в опыт здесь
вечером

в центре,

И отвернуться: пейзаж замирает врасплох. Идет. Фонари.
Поражен вирусом времени. И к нему — вновь, становясь ему
осью, концы чьи связаны,

допустимо также: болью, сводящей концы с концами —
созерцание воедино.

Таково возникновение "благоприятной среды", расслоение
куста,
собаки,
земли лопатой... глина. Подобно письмам оно ящерицы,
разбуженным мелькнувшим будущим.
"Благоприятен брод через великую реку..."

Сорок лет, однако ж — говорят — с этого дерева лист
слетает...

Этого?
Тополь? Письмо? Катахреза? Прямоугольно? Синева в прорехах
сепии?

Синестезия?

Безумие?

Признак, словно гвоздь раскаленный входит, забиваем
в скорлупу забвения.

Словаря ошейник.

Зерна схема распрямлена (я учу я)
в листе,

превращенном в местности,
Открывая исподволь способ существования несложной
"пейзажной" речи.

2.

До сна ли нам, плененным благом,
несчетных узнаваний в поле влаги,
где зреет желтизна, прерывиста как зренье?
Сквозь изморось.

До дна ли января?

До воздуха ли? Нас? -- по-прежнему все тем же.
Бесснежье.

Визг,
бесплотен звук. И, плавясь, наплывает горизонт
из месяцев -- расплывчатый впродолжение -- являя вогнутый
растянутый итог
нелепой тяжести провислого простора.
Но звук высок. Недвижен, точно сфера,
не превзошедшая пчелиной меры, ей выпавшей
в телесном торжестве
тщеты,
распутанной весельем.

Не двигаясь, пребыть везде. Как ржавчина, язвящая порядки,
И "быть" продолжить в "пить" не продлевая, как
не касаясь горлом...

Образы любого корысть отринув,
Чтобы от "любого" по нити вычитанья перейти к любви.

Не тает снег,
которого нет вовсе. Трава низкопелуча и суха.
И труп живой листа опережает мыслимое тленье
изломанной чертой во мнимых временах...
осадек, движимый по руслу повторенья.

До тяжести сожжен.

И в этом предстояньи, где сила тренья о зрачок чиста
(как желтизна предельная, исполнившая
влагу),
Соединяем в разум серый скрип песков: в единство -- множества,
снега опережая,
бег проживая призрачный листа, -- есть сеть пустот,
догадки весть о ловле.

Не тронув очертания собо́й, лист, словно вещь во времени,
надменен обещаньем (еще до ветви, тяжести земно́й) --
И то на срок, что сказанному дан в всесокрушающем
сказуемом слоеньи.

И вновь клеймит прозрачность вещество...
Всего-то литера поверхности, лицо,
След всех следов, ячейка всех сетей. Всего-то выбор литеры,
Ничто,
Идущее навыворот себя за пробуждением в пред-ложье предложенья.

Всего лишь наблюдение листа,
Соткавшее основу для пейзажа. Но примемся считать: такой-то год
дней выгорает остов --
вынесен вовне,

И если здесь не ты,
То здесь -- все твои дни. Любо́й продолжен
значением иного.

Странный труд: искать закономерность в.

И, отклонясь назад,
как бы слегка отпрянув,

С зубов снимая языком прохладу,

Шарф мокнущи́й у рта чуть оттянув руко́й, --

Внимать осталось горнему разладу -- любая вещь чиста,
как будто сквозь ладонь.

25 ноября 85г.